

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Круглова Владислава Владиславовича на тему: «Терминология древнекитайского трактата *Сицы чжуань* («Повествование привязанных слов») и её проекция на фразеологию современного политического дискурса», представленную на соискание учёной степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (китайский язык)

Оппонируемая диссертация является актуальным исследованием на злободневную тему, и эта актуальность определяется как его текстом, так и контекстом и даже подтекстом: регулятивная (управленческая) роль китайского политического дискурса рассматривается сквозь призму воздействия древнекитайских кватернарных фразеологизмов (*чэньюев*) на обыденное сознание современных китайцев, при этом исследование проводится в общекультурологическом семиологическом контексте (У. Эко, К. Леви-Стросс, М. Хайдеггер, Э. Фромм, К. Р. Поппер, Г.-Х. Гадамер, Л. Н. Гумилёв, М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман и др.)¹ в антропоцентрической парадигме с апелляцией к этническому «культурному коду», который становится основанием развиваемой диссертантом теории. Исследование имеет историческое измерение с проекцией на новейшее время и современность (с. 6). Автор сосредоточивается на анализе программных речей Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина и Си Цзиньпина как трёх политических лидеров, которых в Китае называют «ядром ЦК КПК и государства». Такой подход является не только правильным и научно обоснованным, но, видимо, единственным для достижения заявленной цели – «эксплицировать терминологический аппарат древнекитайского трактата *Сицы чжуань* и определить основные векторы синтаксической деформации фразеологических оборотов *чэньюй* традиции «Ицзина» в современном политическом дискурсе КНР» (с. 9). Здесь и возникает, с учётом призывов изучать и заимствовать опыт КНР, актуальность подтекста исследования, позволяющего по предложенной выборке проследить изменение риторики центральных китайских политических деятелей от упования на крайние меры управления и казни «тухао и лешэнь, местных деспотов и контрреволюционеров, которые совершили тяжчайшие преступления» при Мао Цзэдуне (с. 92) к пониманию того, что «мы дорого заплатили за нашу многолетнюю замкнутость и отсутствие опыта» при Дэн Сяопине (с. 66) и развитии данного тезиса в речах Си Цзиньпина: «Важнейшая причина длительного застоя и отсталости Китая заключалась в его замкнутости, закрытости. Опыт показывает, что строительство при замкнутых дверях не приводит к успеху. Китай не может развиваться в отрыве от всего мира» (с. 68). Отметим, что подобные представления полностью соответствуют современным достижениям синергетики, убедительно показывающим, что эволюционируют только открытые системы, закрытые и, тем более, изолированные системы быстро деградируют в связи с резким возрас-

¹ К сожалению, не все фамилии упоминаются в диссертации, видимо, из-за широты проблематики.

танием в них энтропии»². Вместе с тем, исходя из того, что «наибольшее количество употреблений чэньюев традиции «Ицзина» было выявлено в речах нынешнего лидера КНР Си Цзиньпина (32), за ними по частотности использования следовали политические речи Мао Цзэдуна (23) и Дэн Сяопина (7)» (с. 141) – наблюдения, которое подтверждается другими учёными³, можно предположить, что внутривнутриполитический курс КНР постепенно смещается в сторону радикальных методов управления. За возможность подобного вывода диссертанту отдельное спасибо. 仁者，其言也詎 Rénzhě, qí yán yě rèn «Человеколюбив тот, кто сдержан в речах», – говорил Конфуций⁴.

Импонирует стремление автора к точности изложения, к использованию математических процедур, а также ясное понимание им того, что «лингвистический анализ и интерпретация произведений китайской традиционной литературы нуждаются в строгих формальных методах структуризации текста» (с. 26), но при этом «отношение между фразой и СФЕ в китайском языке не является одномерным» (с. 29–30), а «равенство слова иероглифу <...> имеет одним из своих следствий большую широту значения лексической единицы вэньяня, иногда неправомерно принимаемую за многозначность»⁵ (с. 51–52). Мы солидарны с мнением, что «в рамках комплексного лингвокультурологического анализа терминов древнекитайского трактата «Сици чжуань» необходимо привлечение контекстов употребления конкретного термина в других классических китайских текстах («Шу цзин», «Чжуан-цзы», «Лунь юй», «Хуайнань-цзы», «Дао дэ цзин» и других)» (с. 49), и что «каноническая традиция, сложившаяся в Китае на протяжении многих веков, является своего рода истоком культурного дискурса» (с. 59).

Интересны выводы автора о том, что «синтаксис современного китайского языка хотя и принимает многие обороты вэньяня, но не воспринимает целые синтаксические конструкции с комплексной внутренней структурой» (с. 142), что самыми продуктивными разновидностями синтаксической деформации оказываются адъективная и предикативная (с. 144), и что, наконец, «в большинстве контекстов [ицзинистические чэньюи] выступают в качестве определений к группе слов “причина”, “явление”, “результат”» (с. 145) при общем росте частотности использования четырехсложных фразеологизмов (с. 148).

² См.: Гленсдорф, П. Термодинамическая теория структуры, устойчивости и флуктуаций / П. Гленсдорф, И. Пригожин. – М. : Мир, 1973. – 280 с.; Николис Г. Самоорганизация в неравновесных системах / Г. Николис, И. Пригожин. – М. : Мир, 1979. – 512 с.; Пригожин, И. Введение в термодинамику необратимых процессов / И. Пригожин. – М. : Иностранная литература, 1960. – 127 с.; Пригожин, И. Порядок из хаоса / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М. : Прогресс, 1986. – 431 с.

³ «Современные китайские лингвисты, как Дэн Цзяньнин, Ван Лицюнь, Чжан Вэйпан, отмечают тенденцию увеличения использования фразеологических единиц в речах председателя КНР Си Цзиньпина» (с. 55).

⁴ 《论语》全文注释、翻译 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bnvs.cn/UploadFiles/2011-10/admin/201110172045233418.pdf>. (дата обращения 20.05.2022).

⁵ Карапетьянц, А. М. Учебник классического китайского языка вэньянь / А. М. Карапетьянц, Тань Аошуан. – М. : Муравей, 2001. – С. 14.

Главными же достижениями диссертанта являются: **во-первых**, доказательство продуктивности модели исследования терминологии древнекитайских трактатов с учётом идеографической записи понятия в упрощённой и традиционной форме, фонографической записи понятия в системах НКФА (*пиньинь*), Уэйда – Джайлза и азбуки Палладия, переводного эквивалента, количества употреблений в конкретном трактате, номера понятия в синоптических списках, отнесенности к предикатам/именам, формы изображения на гадательных панцирях и костях (*цзягувэнь*), грамматологического комментария с указанием источника и интерпретацией понятия в русле традиционной китайской философии; **во-вторых**, определение бытийно-динамического семантического поля трактата «Сицы чжуань», терминологическую основу которого составляют 天 *тянь* ‘небо, время, природа, божество’, 易 *и* ‘перемены, лёгкое’, 人 *жэнь* ‘человек’, 故 *гу* ‘основание, преднамеренность’, 變 *бянь* ‘изменение’, 地 *ди* ‘земля’, 德 *дэ* ‘качество, благодать, добродетель’, 道 *дао* ‘путь, закономерность, теория, логос, метод’, 動 *дун* ‘движение, действие’, 化 *хуа* ‘трансформация’, 中 *чжун* ‘центр, середина, равновесие’, 用 *юн* ‘применение-функция’, 氣 *ци* ‘пневма, дух, энергия, материя’, 陰 *инь* ‘отрицательная пассивная сила’, 陽 *ян* ‘положительная активная сила’; **в-третьих**, раскрытие на примере канонического текста «Сицы чжуань» шести признаков структурного параллелизма по В. С. Спирину путём схематизации, глоссирования и маркирования синонимических и антонимических пар, а также описания их семантических характеристик; **в-четвёртых**, классификацию синтаксически деформированных древнекитайских фразеологизмов (*чэньюев*) на комплементарно-деформированные, атрибутивно-деформированные, адъектно-деформированные, предикативно-деформированные, аффиксально-деформированные в роли субъекта и чэньюи, не подвергшиеся деформации; **в-пятых**, выявление 62 контекстов с ицзинистической фразеологией из 504 речей Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина и Си Цзиньпина с описанием каждого фрагмента, включая название речи, дату речи, контекст, официальный перевод на русский язык и, в ряде случаев, авторский комментарий к переводу.

Каких-либо ошибок или опечаток в китайском языке или погрешностей в математических подсчётах мы не обнаружили. Материал исследования и результаты его статистической обработки наглядно представлены в таблицах 2–4 (с. 35, 43–44, 143), графике 1 (с. 144), в формулах (с. 30–33, 37) и глоссах (с. 71–73, 85–86, 106–111, 126–130, 132, 140–141), а также в довольно объёмном приложении (с. 167–194). Библиография диссертации насчитывает 166 наименований, из которых 117 научных трудов на русском языке, 23 – на английском, 26 – на китайском, причём учёных, принадлежащих различным школам и направлениям; ещё 11 – это словари и справочные издания и 3 электронных корпуса китайского языка. Автор очень хорошо проработал историю вопроса, точно очертил проблемное поле исследования, ясно видит его практическое применение, прежде всего, в разработке методологии текстологического анализа древнекитайской философской традиции, а также семантического анализа систем основных понятий философского дискурса (с. 15). Работа имеет прозрачную структуру, прекрасно оформлена и написана

грамотным научным языком, нарушений в сфере прямого или косвенного цитирования не обнаружено.

Впечатляет апробация результатов исследования на 13-и международных научных конференциях и семинарах, из которых 7 проходили в дальнем зарубежье. Всяческой похвалы заслуживает консультирование диссертанта с профессором Чикагского университета Эдвардом Шонесси и профессором Венского университета Цзягу Рихтер, а также использование в работе материалов из Бодлианской библиотеки (г. Оксфорд, Великобритания), Музея Гимэ (г. Париж, Франция), Института восточных рукописей РАН (г. Санкт-Петербург) и личного архива В. С. Спирина.

Диссертантом опубликовано 7 работ, из которых 4-е статьи, включая одну совместную, в рецензируемых научных журналах и сборниках по специальности, 2-а учебных издания в соавторстве и 1 статья на украинском языке. Общий объём публикаций составил 59, 45 п.л.

Отдельно отметим очень хороший переводческий комментарий по поводу официального перевода на русский язык речи председателя КНР Си Цзиньпина («Повышать уровень подготовки партийных кадров, благодаря учёбе идти к светлому будущему» (с. 67)). Мы сами неоднократно сталкивались с многочисленными погрешностями в переводах речей современных политических деятелей КНР, что, к сожалению, свидетельствует о снижении в целом уровня профессиональной подготовки китаистов, причём не только в России.

При общем весьма положительном впечатлении от исследования, обратим внимание на некоторые проблемные моменты.

1. Рекомендуем автору диссертации строго различать модель мира и языковую картину мира (с. 50, 58), ибо лишь благодаря жизненному опыту мы правильно понимаем фразы, типа ‘варить кофе в кофейнике’ и ‘варить кофе в кабинете’, ‘болтать ногой’ и ‘болтать языком’, ‘лежать на солнце’ (но не ‘на луне’), ‘сидеть за (а не ‘перед’) компьютером’ и почему ‘утренник’ – это мероприятие, ‘дневник’ – книжка, ‘вечерник’ – студент, а ‘ночник’ – лампа⁶. Недопустимо смешение семантических категорий *субъект – акция – объект* с синтаксическими *подлежащее – сказуемое – дополнение* и морфологическими *существительное – глагол* (с. 62), эти категории далеко не всегда совпадают, например, во фразе ‘Книга лежит на столе’, существительное ‘книга’ играет роль подлежащего, но не обозначает субъекта события, т.е. того, кто положил книгу на стол. В этой связи напомним высказывание Н. Хомского: «Функциональные понятия типа «Субъект», «Предикат» должны тщательно отграничиваться от категориальных понятий, таких как «Именная составляющая», «Глагол», и различие между ними не должно быть замаскировано тем обстоятельством, что иногда один и тот же термин используется для понятий обоих видов»⁷.

⁶ О разграничении модели мира и языковой картины мира см., например: Мартынов, В. В. В центре сознания человека / В. В. Мартынов. – Минск : БГУ, 2009. – 272 с.; Гордей, А. Н. Модель мира как пресуппозиция языковой картины мира / А. Н. Гордей // Художественный дискурс: интерпретация и коммуникативные константы. – Минск : МГЛУ, 2006. – С. 17–20.

⁷ Хомский, Н. Аспекты теории синтаксиса / Н. Хомский. – М. : МГУ, 1972. – С. 65.

2. Понятие *экспрессивности* как коннотативного значения в рамках семантического треугольника Огдена – Ричардса⁸ является частным по отношению к *фасцинации* Ю. В. Кнорозова⁹, поэтому в определении *чэньюя* на с. 13 лучше обращаться к ней. Например, в рассматриваемом диссертантом чэньюе 各得其所 *gè·dé·qí·suǒ* «каждый получает своё место» (с. 64) нет экспрессивности, характерной для русской фазы «Каждый сверчок знай свой шесток» или латинской “*Suum cuique*” [сúум кúйкúэ] «Каждому – своё», но есть присущая фасцинации *нарративность*.

3. Диссертант вслед за научным руководителем использует термин «синограф» с определением «символ из набора особо организованных (графически, фонетически и семантически) графических символов, пригодных для фиксации совмещённых друг с другом основных единиц фонетического и лексико-семантического уровней означения» (с. 4). Чем в таком случае не устраивает термин «логограмма», под которым понимается «знак, обозначающий целое слово или его основу»¹⁰, то есть «идеограмма, поставленная в соответствие звучащему слогу или которой поставлен в соответствие звучащий слог»¹¹. Термин «логографическое письмо» введён Леонардом Блумфилдом в XX веке и был призван заменить термин «идеографическое письмо» в применении к китайской письменности¹². Избыточность или дублирование терминологии в науке вряд ли стоит приветствовать.

4. Использование термина «семантическое ядро» (с. 6 и далее), равно как и термина «семантическая периферия», требует сразу отсылки к исследованиям К. Пайка¹³, Л. Заде¹⁴ и В. В. Мартынова¹⁵, поскольку именно с ними связана смена парадигмы в лексической семантике и трансформация представлений о многозначности лексической единицы в сторону её неопределённозначности¹⁶.

⁸ Ogden, C. K. *The Meaning of Meaning : A Study of the Influence of Language upon Thought and of the Science of Symbolism* / C. K. Ogden, I. A. Richards, with supplementary essays by B. Malinowski and F. G. Crookshank. – London : Kegan Paul, Trench, Trubner ; New York : Harcourt, Brace, 1945. – xxii, 363 p.

⁹ Кнорозов, Ю. В. К вопросу о классификации сигнализации / Ю. В. Кнорозов // Основные проблемы африканистики. – М. : Наука, 1973. – С. 324–334.

¹⁰ Языкознание. Большой энциклопедический словарь / редкол. : В. Н. Ярцева (гл. ред.) [и др.]. – 2-ое изд. – М. : Большая российская энциклопедия, 1998. – С. 275.

¹¹ Карасёва, К. В. Принципы декодирования китайских логограмм и реконструкция их семантики / К. В. Карасева. – Минск : РИВШ, 2014. – С. 13.

¹² Блумфилд, Л. Язык / Л. Блумфилд. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 606 с.

¹³ Pike, K. *Language in Relation to a Unified Theory of the Structure of Human Behavior* / K. Pike. – The Hague : Mouton, 1967. – 762 p.

¹⁴ Заде, Л. Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений / Л. Заде. – М. : Мир, 1976. – 166 с.

¹⁵ Мартынов, В. В. Категории языка. Семиологический аспект / В. В. Мартынов. – М. : Наука, 1982. – 192 с.; *Он же*. Семиологические основы информатики / В. В. Мартынов. – Минск : Наука и техника, 1974. – 192 с.

¹⁶ Более подробно см.: Hardzei, A. *Plagiarism Problem Solving Based on Combinatory Semantics* / A. Hardzei // *Communications in Computer and Information Science (CCIS)*. – Switzerland : Springer Nature Switzerland AG, 2020. – Vol. 1282. – P. 176–197.

5. По поводу термина «грамматикализация» (с. 15) – обратим внимание, что разделами *грамматики* традиционно считаются *синтаксис, морфология, словообразование* и *учение о частях речи*. Поскольку в китайском языке морфологии нет (если под ней понимать словоизменение, так как словообразование есть тот же синтаксис, т.е. упорядоченный набор или кортеж символов, только уровнем ниже предложения) и, следовательно, нет *частей речи* и даже *слов* в европейском понимании как морфологически цельнооформленных лексических единиц с паузами или пробелами между ними в высказывании или предложении (в единую тональную группу может включаться несколько китайских лексических единиц, а сегментации в письменном тексте поддаются только иероглифы, но лексическая единица в современном китайском языке далеко не всегда равна иероглифу), то от грамматики в китайском языке остаётся лишь *синтаксис*. В нём, в задаваемой комбинаторикой семантике (в том числе графемами в иероглифе) и следует искать лингвистические универсалии.

6. В силу того, что лексическое значение у большинства китайских служебных знаков полностью не стёрто, целесообразнее использовать термин «полупредлог» (с. 32, 62), тем более, когда в тексте диссертации прямо указывается «значимые или полужначимые семантические части речи» (с. 32–33).

7. Не понятно, почему пару *предикативность – системность* диссертант вслед за А. М. Карапетьянцем считает антонимичной применительно к китайскому языку (с. 22). Антонимичными обычно называют пары *предикативность – номинативность, системность – асистемность*.

8. В сноске 4 на с. 23 иероглиф отождествляется со слогоморфемой, что не совсем корректно, поскольку в китайском языке иероглиф как письменный знак (оптической образ) конвенциональным образом поставлен в соответствие слогу (акустическому образу) в силу закона морфематической значимости слога деления, т.е. китайский письменный и китайский устный, по сути, – разные языки, в отличие, например, от русского письменного и устного¹⁷.

9. Трактовка полусуффиксов 着 *чжэ* и 了 *лэ* как показателей настоящего и будущего времени (с. 62) является очень и очень спорной, потому что они с равным успехом могут употребляться в настоящем, прошедшем и будущем времени, например: 昨天他们一碗又一碗地喝着水 *Вчера они чашка за чашкой пили воду* (прошедшее время), 求求你, 放了她吧! *Прошу тебя, отпусти её* (настоящее время) или 弄到了钱, 就寄给你 *Достану денег, сразу вышлю тебе* (будущее время)¹⁸.

10. Число 9 является важным в китайской нумерологии не только потому, что это самая большая нечётная цифра и число императора (с. 24), но и знак *кундалини*¹⁹.

11. Не совсем понятна фраза: «В тексте «Сицы чжуань» оппозиционная пара 天 *тянь* ‘небо’ – 地 *ди* ‘земля’ встречается 16 раз, 天 *тянь* ‘небо’ в про-

¹⁷ Подробнее об этом см.: Гордей, А. Н. Принципы исчисления семантики предметных областей / А. Н. Гордей. – Минск : Белгосуниверситет, 1998. – С. 17–18.

¹⁸ Там же. С. 38–44.

¹⁹ См.: Мартынов, В. В. Избранные труды / В. В. Мартынов. – Минск : Право и экономика, 2009. – С. 250–252.

тивопоставлении 地 *ди* ‘земля’ – 12 раз» (с. 43). Так, всё же, о каком количестве идёт речь?

12. В 10-м выводе по второй главе содержится частичный повтор 2-го вывода (с. 145–146).

13. Заключение можно было бы сделать более развёрнутым (в диссертации занимает 3 страницы), включив в него в обобщённом виде выводы по главам.

Некоторые погрешности технического характера.

1. Предлагаемые уточнения к переводу:

«方以類聚 *Образы действия по родам собираются*», лучше «**Явления по родам собираются**» (с. 31); «變化見矣 *изменения и преобразования становятся видимыми*», лучше «**изменения и превращения становятся видимыми**» (с. 31); «日月運行 *Солнце и Луна вращаются и функционируют*», лучше «**Солнце и Луна вращаются и перемещаются**» (с. 31); «加以 *jiāyǐ* *подвергать*», в данном контексте лучше **производить** (с. 85); «неэффективного использования людских и материальных ресурсов», с учётом контекста всё-таки лучше оставить официальный вариант «**расточительного использования...**» (с. 135); «Мудр тот, кто понял себя; храбр тот, кто одержал победу над собой», для параллелизма лучше «кто победил себя», хотя официальный перевод тоже неплохой: «Мудрец – тот, кто верно себя понимает; герой – тот, кто сам себя побеждает» (с. 139).

2. Стилистические недочёты:

«Также автором предлагаются...» (с. 15) вместо «Автором также предлагаются...» (аналогичная погрешность на с. 16, 26, 28, 70, 83, 85, 95, 98, 122, 123, 142, 149); «изучение основных **понятий** позволяет **понять**» (с. 20); «В 1950-е годы...» (с. 21) вместо «В 50-е годы XX века...»; «...**интерпретацию** в русле традиционной философской мысли Китая. Этот список весьма важен для **интерпретации...**» (с. 21); «...**а** сам фразеологический оборот выделялся жирным шрифтом, **а** все фрагменты...» (с. 61); «мы все должны неуклонно выстраивать **стиль работы** партии, отстаивать и развивать её лучшие традиции и **стиль работы**» (с. 75); «принимать меры по **достижению** народного процветания, **тяжело** работать над **достижением** данной цели» (с. 83); «продвигать... **связи**» (с. 85); «уделять больше внимания закладыванию основ и **долгосрочным проектам**» (с. 95), лучше: «уделять больше внимания закладыванию основ и **реализации долгосрочных проектов**»; «возвышенным **ценностям**» (с. 98), вариант исправления: «высоким идеалам»; «ориентировочный характер» (с. 126); «...**которые** занимают одинаковые позиции в сверхфразовых единствах, **которые...**» (с. 148).

3. Орфографические опечатки:

«оппозиционных **рядом** терминов» (с. 27); «отношения между фразой и СФЕ в китайском языке не является одномерным» (с. 29–30); «**ресчитают**» (с. 88); «стремление к постоянному самосовершенствованию и грандиозное **развитие** китайского народа» (с. 120–121); «регентам» вместо «ренегатам» (с. 131); «оппозиционных **термины**» (с. 148).

Жаль, что китаеведы никак не договорятся, как правильно писать по-русски название древнейшего даосского памятника 道德經 (с. 26).

4. Пунктуационные ошибки: с. 84, 91, 92, 94, 118.

Высказанные замечания не умаляют достоинств работы. Полученные в ходе диссертационного исследования выводы имеют существенное значение для частного языкознания и могут быть использованы при составлении учебников и учебных пособий по классическому китайскому языку *вэньянь* и общественно-политическому переводу, в частности, в области практики перевода политических речей. Публикации полностью отражают содержание диссертации.

Искомая степень может быть присуждена за:

1) доказательство продуктивности модели исследования терминологии древнекитайских трактатов с учётом идеографической и фонографической записи понятия в упрощённой и традиционной форме, изображения на гадательных панцирях и костях, переводного эквивалента, количества употреблений в конкретном трактате, номера понятия в синоптических списках, отнесенности к предикатам/именам, грамматологического комментария и интерпретации понятия в русле традиционной китайской философии;

2) определение бытийно-динамического семантического поля трактата «Сицы чжуань» и его терминологической основы;

3) раскрытие на примере канонического текста «Сицы чжуань» шести признаков структурного параллелизма, а также описания их семантических характеристик;

4) классификацию синтаксически деформированных древнекитайских фразеологизмов (*чэньюев*);

5) выявление и описание 62 контекстов с ицзинистической фразеологией из 504 речей Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина и Си Цзиньпина.

Диссертация Круглова Владислава Владиславовича на тему: «Терминология древнекитайского трактата Сицы чжуань («Повествование привязанных слов») и её проекция на фразеологию современного политического дискурса» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения учёных степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Круглов Владислав Владиславович заслуживает присуждения учёной степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (китайский язык). Пункты 9 и 11 указанного Порядка диссертантом не нарушены.

Член диссертационного совета

Доктор филологических наук, профессор,
Заведующий кафедрой теории и практики
китайского языка УО «Минский государственный
лингвистический университет»

Гордей А. Н.

20.05.2022 г.

